С.В. Березкина

«Святое имя: *Карамзин*» в контексте послания В.А. Жуковского «К Ив. Ив. Дмитриеву» (1831)

1

Послание «К Ив. Ив. Дмитриеву» («Нет, не прошла, поэт наш вечно юный…») было написано Жуковским 16 октября 1831 г. в ответ на послание Дмитриева, которое в публикации, появившейся в 1832 г., получило заглавие «Василию Андреевичу Жуковскому по случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы»[1]. Двумя стихотворениями Жуковского, упомянутыми уже в заглавии послания Дмитриева и написанными на злобу дня – подавление польского восстания 1830–1831 гг., были «Старая песня на новый лад» и «Русская слава». Известно, что эти стихотворения писались Жуковским в полном единодушии с Пушкиным, который на протяжении всей военной кампании в Польше с напряжением ожидал победы русских войск. В связи с польскими событиями Пушкин написал в 1831 г. три стихотворения – это «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» и «Перед гробницею святой…» (по свежим следам событий были напечатаны первые два, третье осталось в рукописи). Дмитриев был в восхищении от произведений и Пушкина, и Жуковского. В его глазах они были продолжателями высокой поэтической традиции, среди зачинателей которой был он сам[2]. Победу над восставшими и побежденными в 1794 г. поляками Дмитриев воспел в стихах «Глас патриота на взятие Варшавы», «На победу гр. Суворова-Рымникского…», «Гр. Суворову-Рымникскому на случай покорения Варшавы», «Освобождение Москвы», «На присоединение польских провинций…». Эти стихи влились в целый хор хвалебных песнопений 1794–1795 гг., которыми русские поэты откликнулись на победу Суворова. В ней видели свидетельство мощи русского оружия, мудрости государыни и огромных перспектив перед Россией в будущем («На взятие Варшавы» Г.Р. Державина, «Солдатская песнь на взятие Варшавы» Н.А. Львова, «Эпистола на взятие Варшавы» Е.И. Кострова, «Пеан, или Песнь на победы… над мятежниками польскими…» Г.Р. Рубана и т.д.).

В 1794 г. военные действия велись Россией в союзе с Пруссией, и их завершение было «ознаменовано» в 1795 г. третьим разделом Польши, положившим конец ее самостоятельной государственной жизни. Победа в решающем сражении, одержанная русскими войсками под командованием А.В. Суворова, имела самый неблагоприятный для России международный резонанс. В Европе появились карикатуры на Суворова и

Екатерину II, изображавшие их в образе чудовищных убийц[3]; одну из них упомянул Пушкин в цикле «Отрывки из писем, мысли и замечания» (1827)[4]. Последнее суворовское сражение 1794 г. – штурм укрепленного предместья Прага, защищавшего Варшаву с востока, – стало в историко-публицистической и художественной литературе символом самого кровопролитного боевого столкновения русских с поляками. Правдивое сообщение о том, что происходило на улицах варшавской крепости 24 октября 1794 г., дал в «Реляции о штурме Праги» сам Суворов: «Страшное было кровопролитие, каждый шаг на улицах покрыт был побитыми. Все площади устланы телами… На беду спрятавшиеся в домах жители, не исключая женщин и детей, стали оттуда стрелять, бросать каменьями… Это еще усилило ярость солдат; бойня дошла до предела; врывались в дома, били всех кого попало, и вооруженных и безоружных, и оборонявшихся и прятавшихся; старики, дети, женщины, – всякий, кто подвертывался, погибал под ударами, Висла, обагренная, несла стремлением своим тела тех, кои, искав убежища в ней, утопали; страшное сие позорище видя, затрепетала вероломная… столица»[5]. В приказе перед началом штурма Суворов призывал солдат щадить мирное население, однако участие в нем частей, пострадавших от поляков во время резни в Варшаве в апреле 1794 г., привело к ужасающим последствиям. По воспоминаниям участника этих событий, солдаты готовились к штурму Праги с намерением мстить «за кровь нашу, изменнически пролитую в Варшаве на Страстной неделе»[6]. Тогда в течение нескольких дней было убито около двух тысяч русских солдат, из которых около пятисот было вырезано безоружными в походной церкви в Великий четверг во время литургии.

С первых же поэтических откликов на победу 1794 г. в русском общественном сознании начала складываться идеологема: «Падение Варшавы – возмездие за взятие Москвы». В конце XVIII – начале XIX в. она была жизнеспособна и лишь впоследствии, под напором все более и более осложнявшейся жизни Российской империи, начала хиреть и гаснуть. Первоначально она выражалась в перечислении исторических грехов Польши перед Россией. Именно этот подход воодушевлял Дмитриева, когда он, создавая «Стихи графу Суворову-Рымникскому на случай покорения Варшавы», вспоминал знаменитых россиян, плененных поляками во время Смуты:

Стократ, о узы Филарета,
Звучашие толь многи лета,
Стократ Суворов вас отмстил!
И ты, прах Шуйского священный,
Вкушай, прах царский, днесь покой,

Уже тебя иноплеменный
Не станет попирать ногой[7].

Красноречивейшее название Дмитриев дал другому своему стихотворению, ассоциативно связанному с военными событиями в Польше: «Освобождение Москвы».

Идеологема «Падение Варшавы – возмездие за взятие Москвы» нашла свое отражение в творчестве Пушкина. В послании «Графу О<лизару>» (1824) поэт писал, обращаясь к полякам:

И вы, бывало, пировали
Кремля [позор] и <русский> <?> плен,
И мы о камни падших стен
Младенцев Праги избивали,
Когда в кровавый прах топтали
Красу Костюшкиных знамен[8].

Историософский вывод Пушкина был таким: Прага, знаменующая собой «падение Польши», была расплатой за Смуту – «русский плен», «позор Кремля» и сожженную поляками Москву. Эту мысль Пушкин повторил в стихотворении 1831 г. «Клеветникам России», которое было написано, как известно, в ответ на высказывания французских парламентариев с негативной, с элементами угроз, оценкой военных действий России в Польше. Поэт был возмущен тем, что вопрос о Польше рассматривался европейскими политиками без учета того исторического пути, который был пройден двумя противоборствующими державами. В европейской печати исторической ретроспективы в оценке положения Польши не было! И надо сказать, что это обстоятельство на протяжении всего девятнадцатого века уязвляло русских, писавших о «польском вопросе», причем даже тех из них, кто был, что называется, «своим» для либерального лагеря. Поэтому можно смело сказать, что в 1831 г. Пушкин очень точно выразил чувство русского человека при встрече с европейским подходом к вопросу об историческом столкновении двух держав:

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага…[9]

Сходная мысль варьировалась в другом стихотворении Пушкина на тему русских побед 1831 г. – в «Бородинской годовщине», где поэт писал о «старых скрижалях» истории, хранивших память о сожжении поляками Москвы в 1611 г. («Мы не сожжем Варшавы их…»)[10].

Идеологема «Падение Варшавы – возмездие за взятие Москвы» была очень близка Жуковскому. В стихотворении «Русская слава» Жуковский

закончил перечисление военных побед Екатерины упоминанием Праги, дав штурму 1794 г. уже знакомое нам историософское осмысление:

Рымник, Чесма, Кагульский бой,
Орлы во граде Леонида,
Возобновленная Таврида,
День Измаила роковой,
И в Праге, кровью залитой,
Москвы отмщенная обида[11].

Любопытно, что первоначально строфа заканчивалась другими стихами: «И брань с природою самой / На Альпах русского Алкида»[12]. Появление в окончательном тексте Праги с упоминанием «отмщенной обиды» за Москву могло быть результатом того, по словам П.В. Анненкова, «долгого обмена мыслей», который происходил между Пушкиным и Жуковским царскосельской осенью 1831 г.[13] При этом восприятие русским читателем стихов Пушкина и Жуковского, вышедших из печати осенью 1831 г., было многократно усилено статьей Ф. Смитта «Штурм Праги 24 октября / 4 ноября 1794 года», появившейся на страницах «Сына отечества» в феврале того же года (Сын отечества. 1831. Т. 18, № 9). В статье Смитта впервые в русской печати подробно рассказывалось об этом событии.

2

Обратимся к другому стихотворению Жуковского, также связанному с польской темой. В послании «К Ив. Ив. Дмитриеву» («Нет, не прошла, певец наш вечно юный...») Жуковский процитировал «Глас патриота на взятие Варшавы», показав тем самым лестное для старого поэта знакомство с его давними стихами о Польше. Неслучайно вслед за этим в послании заходит речь о Карамзине, которому Жуковский посвящает прочувствованные строки (самая известная из них: «Святое имя: *Карамзин*»). В послании «К Ив. Ив. Дмитриеву» присутствует, помимо личных и литературных отношений, сложная общественно-историческая проблематика: Жуковский вспомнил о Карамзине потому, что в своих стихах на победу 1831 г. он выступил как выразитель взглядов историка на отношение России к Польше. Антипольские стихи Жуковского были «освящены» авторитетом Карамзина.

Прикровенно, без прямого называния имени историка карамзинская тема присутствовала и в стихах Пушкина, связанных с «польским вопросом». В послании Пушкина «Графу О<лизару>», как заметил С.С. Ланда, весьма ощутимо воздействие десятого и одиннадцатого томов «Истории государства Российского» Карамзина[14]. Именно из карам-

зинской истории попали в стихотворение Пушкина пиры поляков, празднующих «Кремля позор и <русский> <?> плен». Во время Смуты Москва дважды оказывалась в руках захватчиков. Однако в стихах Пушкина, вероятнее всего, речь идет о событиях Смутного времени, описанных в одиннадцатом томе истории Карамзина, известном поэту к моменту создания послания Олизару. В июне 1605 г. в Москве воцарился Лжедимитрий I, пользовавшийся активной военно-финансовой поддержкой Польши. В 1606 г. самозванец, ставший, по словам Карамзина, «орудием ляхов и папистов»[15], был убит восставшими горожанами во время празднеств по случаю его бракосочетания с Мариной Мнишек. В послании Олизару характеристика участия в этих событиях поляков[16] дана Пушкиным в духе «Истории государства Российского». В ней были нарисованы яркие картины пребывания в Москве Лжедимитрия и его сподвижников с их бесконечными пирами и празднествами, вопиющей роскошью, бесчинствами в церквях и глумлением над религиозно-бытовыми обычаями русских[17].

Отзвук следующего, двенадцатого тома «Истории...» слышен и в «Русской славе» Жуковского (см. строфу, начинающуюся со стиха «Была пора: коварный, вражий лях»)[18] и в «Бородинской годовщине» Пушкина. В двенадцатом томе рассказывалось о сожжении Москвы в 1611 г. поляками, затворившимися от пожара в Кремле. Захватчики подожгли город, чтобы предотвратить вооруженное выступление московских жителей. Пожар, кстати, пришедшийся, как и начало варшавского восстания в 1794 г., на Страстную неделю, уничтожил всю Москву, и жители ее толпами устремились в окрестные города и села. По сообщению Карамзина, поляки с кремлевских стен высматривали сохранившиеся от пожара уголки Москвы и потом делали вылазки, поджигая оставшиеся строения. Православное пасхальное богослужение проходило за кремлевскими стенами, вокруг которых простирались обугленные равнины. Вероятнее всего, этот исторический эпизод и имел в виду Пушкин, когда писал: «Мы не сожжем Варшавы их: / Они народной Немезиды / Не узрят гневного лица...»[19].

Крайне заостренная форма русско-польской темы, нашедшая у Пушкина отражение уже в послании «Графу О<лизару>», – следствие оппозиционного неприятия политики Александра I в отношении Польши. Даже в 1830 г. он не мог спокойно вспоминать о том, что сделал для Польши покойный император[20]. Причем это неприятие польской политики Александра было в высшей степени характерно для русского общества и в особенности для будущих декабристов. Напоминание Пушкина в послании Олизару о том, что поляк является «народным врагом», было в александровскую эпоху проявлением, как это ни странно, оппо-

зиционности[21]. В конце 1810 – начале 1820-х гг. небеспристрастное обсуждение «польского вопроса» было подогрето действиями Александра I, в котором подозревали сторонника возврата Польше украинских, белорусских и литовских земель. Человеком, решившимся и своей творческой деятельностью, и открытым выступлением противостоять наметившемуся в российской политике курсу на возрождение Польши, был Н.М. Карамзин, в характеристику исторического труда которого – «подвиг честного человека» – Пушкин, несомненно, вкладывал и оценку его позиции по «польскому вопросу», смело заявленной лично императору.

Позиция Карамзина в отношении Польши была твердой, по-настоящему «имперской». Он выразил ее в записке, которую прочитал государю 17 октября 1819 г.: «Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний»[22]. Любопытную перекличку с этим высказыванием Карамзина мы находим у М.С. Лунина, который считал, что после подавления восстания Костюшки территориальные приобретения Пруссии, Австрии и России были узаконены «по праву войны»[23]. В своей записке Карамзин, возмущенный слухами о возможном восстановлении целостности Польши, писал Александру: «...восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обагрят своею кровию землю Польскую и снова возьмут штурмом Прагу!»[24] Письмо Карамзина было с неудовольствием встречено Александром. Некоторое время это сильно тревожило историка, который тем не менее продолжал в своем историческом труде развивать концепцию российско-польских отношений, которая работала на оправдание территориальных приобретений России в XVIII в. Последовательное освещение в «Истории...» интриг и злодеяний поляков на русской земле во время Смуты шокировало Александра I, познакомившегося с десятым томом в рукописи, и он просил Карамзина дать действия Польши в более мягкой форме.

А. Дворский писал, что Карамзин для Пушкина «являлся не только “летописцем”, но также и политическим писателем. При всех различиях политического мировоззрения обоих их объединяла точка зрения на сущность русско-польской исторической драмы»[25]. Карамзин, а вслед за ним и Жуковский, и Пушкин явным образом не мыслили будущее России без «польских провинций», т.е., в первую очередь, без украинских, белорусских и литовских земель. Именно поэтому, подводя в 1831 г. черту под своими выступлениями на польскую тему, Жуковский в послании «К Ив. Ив. Дмитриеву» воззвал к высшему авторитету, которым в его восприятии было освящено воззрение на жизнь Польши в пределах Российской империи: «Святое имя: *Карамзин*»[26].

Примечания

[1] См.: *Жуковский В.А.* Поли. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000. Т. 2. С. 286–287 (текст стихотворения), 673–675 (примеч. О.Б. Лебедевой).

[2] О патриотической лирике Дмитриева см.: *Николаев П.Д.* «Я подвиг предка петь хочу!» (Гражданско-патриотические мотивы в поэзии И.И. Дмитриева 1790-х гг.) // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. М.,2005. С. 721–762.

[3] О карикатурах на Суворова см.: *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1887. Т. 2. С. 902–903 (№ 522); СПб., 1888. Т. 3. С. 2012 (№ 199); *Козлов С.В.* Суворов в его изображениях. СПб., 1899. С. 30; *Свирида И.И.* Между Петербургом, Варшавой и Вильно: Художник в культурном пространстве. XVIII – середина XIX вв. М., 1999. С. 240; *Свиньин П.П.* Американские дневники и письма (1811–1813). М., 2005. С. 301–302.

[4] См.: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 55; коммент. Н.К. Козмина см.: *Пушкин А.С.* Соч. Л., 1929. Т. 9, кн. 2. Примеч. С. 94.

[5] *Орлов Н.А.* Штурм Праги Суворовым в 1794 году. СПб., 1894. С. 121–122. Впервые «Реляция о штурме Праги» была напечатана в 1854 г. на страницах газеты «Русский инвалид». Показательно, что после образования так называемого социалистического лагеря полностью ее уже не печатали. Так, в солиднейшем многотомном издании документов Суворова приведенный выше фрагмент «Реляции» купирован – см.: А.В. Суворов: Документы: В 4 т. М., 1952. Т. 3. С. 412.

[6] *[Старков Я.М.]* Рассказы старого воина о Суворове. М., 1847. С. 47.

[7] *Дмитриев И.И.* Полн. собр. стих. / Вст. ст., подгот. текста и примеч. Г.П. Макогоненко. Л., 1967. С. 297. В стихотворении упоминается патриарх Филарет (Романов), в 1610 г. прибывший в составе русского посольства в Польшу и оставленный там в качестве заложника, а также Василий Иванович Шуйский, русский царь с 1606 по 1610 г., скончавшийся в польском плену в 1612 г.

[8] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 334; конъектура «русский» в приведенном фрагменте предложена Я. Л. Левкович. В мемуаристике встречаются жуткие сцены взятия русскими Праги, вплоть до эпизода с солдатом, вырвавшим ребенка из объятий заколотой матери и разбившим его о стену (см.: *Орлов Н.А.* Штурм Праги Суворовым в 1794 году. С. 90). Н.А. Орлов относил подобные эпизоды к разряду образных преувеличений, встречающихся в рассказах о захватах населенных пунктов и ожесточенных военных действиях (см., например, в «Сказании» об осаде поляками Троицко-Сергиева монастыря Авраамия Палицына: «…в глазах родителей жгли детей, носили головы их на саблях и копьях; грудных младенцев, вырывая из рук матерей, разбивали о камни» – *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1826. Т. 12. С. 126). Создавая послание «Графу О<лизару>», Пушкин, по-видимому, имел в виду не мемуарные свидетельства, а библейскую реминисценцию, определившую звучание ст. 7–8 – ср.: «Дщи Вавилоня окаянная, блажен, иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам: блажен, иже имет и разбиет младенцы твоя о камень» (Пс. 136: 8–9). Реминисценция, вне мемуарно-исторической конкретики, с указанием лишь на «библейское, символическое значение» образа побиваемых младенцев как свидетельства об «уничтожении зла в корне» отмечена в изд.: *Сурат И.З.* Библейский подтекст в оде «Вольность» // Пушкин и его современники. СПб., 2000. Вып. 2 (41). С. 203.

[9] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 269.

[10] Там же. С. 274.

[11] *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 285; комментарий исторических реалий процитированного текста см. на с. 671–672.

[12] Там же. С. 672.

[13] См.: *Анненков П.В.* Общественные идеалы А.С. Пушкина (Из последних лет жизни поэта) // Вестник Европы. 1880. № 6. С. 617.

[14] *Ланда С.С.* Мицкевич накануне восстания декабристов (Из истории русско-польских общественных и литературных связей) // Литература славянских народов. М., 1959. Вып. 4. Из истории литератур Польши и Чехословакии. С. 101–105.

[15] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 11. С. 229.

[16] У Карамзина они названы «наглыми иноземцами, приехавшими злодействовать в Россию» (Там же. С. 300).

[17] См.: Там же. С. 223, 224, 234, 246, 249, 261–263, 267–268, 273 и др.

[18] О проявлениях интереса Жуковского к «Истории государства Российского» Карамзина см.: *Канунова Ф.З.* Русская история в чтении и исследованиях В.А. Жуковского // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Ч. 1. С. 436–465.

[19] Приходится думать именно так, поскольку в стихотворении Пушкина говорится о «старых скрижалях». Впрочем, для многих современников Пушкина, помнивших 1812 г., у этих стихов мог быть и иной подтекст: «...справедливость требует сказать, – писал М.А. Дмитриев, – что... все другие, бывшие в плену и с кем только мне случалось разговаривать об этом времени, все обвиняли и в жестоком обращении, и в грабеже церквей более поляков, а не французов. О французах говорили вообще, что они народ добрый и только по необходимости отнимали хлеб и платье; а о поляках, что они грабили что попало и сверх того надругались и над русскими людьми, и над русской святыней. <...> Кроме того, французы того времени, большею частью родившиеся во время революции... были только равнодушны к религии, я думаю, и к своей, и к нашей, а в поляках действовал тогда, как и ныне, тот фанатизм, который составляет особенную черту католицизма; они, конечно, считали нас не только еретиками, но даже и не христианами!» (*Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни / Подгот. текста и коммент. К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой, Т.Ф. Нешумовой; Вст. ст. К.Г. Боленко и Е.Э. Ляминой. М., 1998. С. 86).

[20] См. в письме Пушкина к Е.М. Хитрово от 9 декабря 1830 г. отклик на события в Польше: «Итак, наши исконные враги будут окончательно истреблены, и таким образом ничего из того, что сделал Александр, не останется, так как ничто не основано на действительных интересах России...» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 134).

[21] После 1825 г. находившемуся в эмиграции Н.И. Тургеневу она уже представлялась очень и очень скромной (см.: *Тургенев Н.И.* Россия и русские / Пер. с франц. и статья С.В. Житомирской; Коммент. А.Р. Курилкина. М., 2001. С. 51).

[22] *Карамзин Н.М.* Неизд. соч. и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 5 (напечатано под заглавием «Мнение русского гражданина»). Впервые письмо было опубликовано в 1847 г. в Париже в книге Н.И. Тургенева «Россия и русские» (здесь же, кстати, было помещено и письмо К.О. Поццо ди Борго к Александру I, продиктованное той же тревогой о намерениях царя в отношении Польши). Н.И. Кареев охарактеризовал письмо Карамзина как «начало нашей публицистики по польскому вопросу» (*Кареев Н.И.* «Падение Польши» в исторической литературе // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. № 6. С. 360). О допечатной истории письма см.: *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX в. М., 1997. С. 183.

[23] *Лунин М.С.* Письма из Сибири / Изд. подгот. И.А. Желвакова, Н. Я. Эйдельман. М., 1987. С. 122. Ср. мнение о Польше кн. А.М. Горчакова, которое он выразил М.И. Семевскому в 1881–1882 гг.: «Раз борьба покончена мечом, раз история решила эту борьбу в пользу России, – Польша не должна быть отделяема от судеб России» (*М. С<емев>ский.* Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого // Русская старина. 1883. № 10. С. 163).

[24] *Карамзин Н.М.* Неизд. соч. и переписка. С. 7.

[25] *Дворский А.* Пушкин и польская культура / Пер. с польск. СПб., 1999. С. 114.

[26] О другой стороне высказывания Жуковского, варьирующего свойственные ему самые возвышенные оценки Карамзина (символ «доброго и лучшего», «мой евангелист», «ангел» и пр.), см.: *Кочеткова Н.Д.* Жуковский и Карамзин // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 209–215.